

Чжоу Синь не только невольно разрушил счастье троих, но и ранил сердца многих. Все родные и друзья, кто о них заботился, будут страдать. Среди друзей Чжоу Синь тяжелее всех, без сомнения, пришлось Хуан Гану.

Он всегда был таким: мучил себя ради других, а потом своими страданиями терзал друзей, которые о нём беспокоились.

Хуан Ган был лучшим другом Чжоу Синь, тем, кто всегда первым вставал на его защиту.

Поэтому, хоть Хуан Ган и понимал, что неправ, и знал, что у Хэ Е есть против него козырь, он всё равно осмелился громко и уверенно спросить:

— А ты-то почему должен страдать?

Хуан Гану было больно за Чжоу Синь, и он не мог не вступить:

— Даже если Чжоу Синь и сволочь, он никогда не поступал плохо с Лян Мэньюй! — Он шаг за шагом приближался к Хэ Е, наступая:

— За все годы, что они были вместе, как он к ней относился? Всегда ставил себя на её место, думал о ней, чтобы она ни в чём не нуждалась. Она берегла себя — и он никогда к ней не прикасался, даже ни разу не изменил ей из-за этого.

— Довольно, — попытался остановить его Чжоу Синь, но Хуан Ган не отступал, решив высказать всё, что накопилось.

— Признаю, Лян Мэньюй тоже любила Синь, в отношениях она отдавала не меньше. Но когда случилось *то*, была ли она, как его девушка, способна поставить себя на его место? — Хуан Ган говорил всё горячее, к концу почти кричал:

— Если она считала это бездной греха, так верни его на путь истинный! Ни слова не сказала, ничего не сделала — просто порвала, даже причины не объяснила! Как это жестоко? Ты хоть можешь это представить?! И ещё —

— Я сказал, хватит! — Чжоу Синь, не выдержав, остановил его во второй раз. Хуан Ган, хоть и не соглашался, на время умолк.

Чжоу Синь медленно произнёс:

— У неё не было обязанности «возвращать меня на путь истинный», и уж тем более — давать мне шанс. — Возможно, поддавшись эмоциям Хуан Гана, Чжоу Синь потерял обычную сдержанность. Он усмехнулся:

— Жизнь у каждого своя. Никто не вправе требовать, чтобы другие всегда принимали его сторону и отвечали за каждый его поступок, даже если это самый любимый человек. — Вспомнив Лян Мэньюй, он закрыл глаза:

— Тем более, она и сама не из тех, кто требует, чтобы ради неё менялись. Когда она узнала, что человек, которого она любила, оказался... — Он замолчал на миг, горько улыбнулся и продолжил:

— Таким никчёмным, это, наверное, был для неё страшный удар.

Это чувство Чжоу Синь понимал. Когда Лян Мэньюй солгала, что изменила, он тоже думал,

что полюбил недостойную женщину, и долго из-за этого мучился.

Чжоу Синьши знал, что Хуан Ган до конца не поймёт этих слов, но объяснять сил уже не было. Он машинально взглянул на Хэ Е. Тот тоже смотрел на него — собственно, с того момента, как Чжоу Синьши прервал Хуан Гана, Хэ Е не сводил с него глаз.

Встретившись взглядом с Чжоу Синьши, Хэ Е изящно отвернулся, избегая его, но задал вопрос:

— И вправду ни капли на него не сердись? Не думал, что не будь той истории, она, может, и не разочаровалась бы в тебе, не ушла? — Два «он» у Хэ Е, конечно, означали разных людей: последнее — Лян Мэньюй, первое — естественно, Хуан Ган. Говоря это, Хэ Е даже не отводил от Хуан Гана взгляда.

Хуан Гана это и разозлило, и насмешило. Злила наглая и бесталанная попытка посеять раздор, смешило, что, совершая такой детский поступок, Хэ Е сохранял каменное спокойствие.

Действительно, приём был нехитрый, но Чжоу Синьши видел: Хэ Е искренне жаждет узнать ответ. Поэтому Чжоу Синьши ответил так же серьёзно:

— Это я сам натворил. Винить других не стану. Ненавижу только себя. И тебя, Хэ Е! Ненавижу твоё отсутствие! Ты отсутствовал, когда она ждала тебя дома. Ты отсутствовал, когда она пришла ко мне. И ты отсутствовал, когда она лежала в больнице: от реанимации до новой попытки суицида, от снятия кислородной маски до разматывания бинтов!

Чжоу Синьши даже не заметил, что вычеркнул Хэ Е из числа «других».

Хэ Е вздрогнул, инстинктивно ухватившись за книжный шкаф, но тут раздался голос Хуан Гана:

— Я тоже скажу тебе правду. Как думаешь, почему на самом деле умерла Лян Мэньюй?

— Не надо! — Хэ Е боялся не его слов, а того, что услышит дальше.

Хуан Ган хотел продолжить, но Чжоу Синьши, словно нарочно, поспешил перебить:

— Господин адвокат Хэ, по-вашему, неспособность принять ответственность и поиск виноватых на стороне — это и есть качества, присущие мне, Чжоу Синьши?

Хэ Е не ответил. Он лишь смотрел на Чжоу Синьши.

Под его безразличным взглядом Чжоу Синьши почувствовал себя неловко. Он не мог понять, о чём думает Хэ Е, но ясно ощущал: в его глазах он — просто посмешище, если не хуже.

Посмешище хотя бы способно рассмешить. Чжоу Синьши же не мог даже улыбнуться. Он невольно спросил себя: разве не смешно и не отвратительно, когда эгоистичный, неразборчивый негодяй, пользующийся своим положением, признаёт свою вину? Да ещё и даёт пищу для размышлений?

В душе уже зрел ответ. Чжоу Синьши резко отогнал эти неприятные мысли, слегка отвернулся, натянуто избегая взгляда Хэ Е.

Слова Чжоу Синьши не были гениальными изречениями, но то, что их произнёс именно он, искренне удивило Хэ Е.

Такая уж у него натура? Или он постиг это лишь после смерти Лян Мэньюй?

Неважно. Если прежний негодяй исчез вместе с её смертью, то сможет ли Хэ Е, завершив начатое, вновь обрести смысл счастья?

Задумавшись, Хэ Е глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Но едва эмоции немного улеглись, он вспомнил недоговорённую фразу Хуан Гана, и в сердце закралось смутное предчувствие.

Помедлив, Хэ Е не выдержал и спросил:

— Что вы имели в виду, господин Хуан? Мэньюй она...

— Она не из-за того, что её тронул Синьи, захотела умереть от отчаяния, — произнёс Хуан Ган, вдалбливая каждое слово, словно желая, чтобы они, как ножи, впились Хэ Е в кости.

И действительно, после этих слов лицо Хэ Е побелело.

Увидев его бледность, Хуан Ган не только не остановился, но и усилил натиск. Он неспешно подошёл к Хэ Е, похлопал по плечу, как старший, и с тяжёлым вздохом сказал:

— Тот, из-за кого она захотела умереть, — не Синьи, а... — Хуан Ган прижал руку к груди, изображая сердечную боль:

— Ты!

— Хватит! Ты же обещал не говорить ему! — Чжоу Синьи, сдерживавшийся всё это время, наконец рассердился. Он нахмурился, казалось, по-настоящему разгневан.

Хуан Ган оправдывался:

— Думаешь, он никогда не сомневался? Просто боялся подумать. Я просто помог ему разрешить сомнения. — Он посмотрел на Хэ Е и добавил:

— Настоящий убийца — это ты.

— Довольно! — Не дожидаясь конца, Хэ Е наконец не выдержал, оттолкнул Хуан Гана и рванулся из кабинета. Хуан Ган схватил его и начал нести чушь:

— Это ж ты, сволочь, первый начал!

Не успев договорить, Хуан Ган пнул Хэ Е в живот, сбив с ног, а затем ударил кулаком в лицо. Хэ Е сдавленно крикнул, из уголка рта выступила кровь, но он стиснул зубы, не издав ни звука, не попросив пощады.

Такое поведение Хэ Е разозлило Хуан Гана ещё больше. Он хотел присесть и добить лежащего, но не смог — его правую руку уже кто-то схватил. Хуан Ган обернулся и увидел, что это, конечно же, Чжоу Синьи.

— Хватит, — тихо сказал Чжоу Синьи. Лицо его оставалось бесстрастным.

Но это выражало его настроение куда сильнее, чем прежняя хмурость.

— Синьи, сегодня я его обязательно проучу как следует, — выпалил Хуан Ган, пытаясь вырвать руку из захвата Чжоу Синьи, но дёрнул несколько раз — и не смог освободиться.

<http://bllate.org/book/15947/1425497>